

ВЕЧНО ЧЕРНЬЕ
РАСТЕНИЯ

МИХАИЛ ФИШЕР

Михаил Фишер

Вечно чёрные растения

«Издательские решения»

2014

Фишер М.

Вечно чёрные растения / М. Фишер — «Издательские решения»,
2014

ISBN 978-5-457-67117-1

«Ты сам свой высший суд»,— пожалуй именно этими строками из стихотворения А. С. Пушкина можно охарактеризовать произведение М. Фишера «Вечно черные растения». Неслучайно оказавшиеся рядом женщина и молодой человек пытаются распутать сложносплетенные клубки собственных жизней. Что трудней, спросить или ответить, простить другого или простить себя? Погружая читателя в запутанное повествование о непростых человеческих судьбах, по прочтении, автор дает возможность каждому судить самого себя.

ISBN 978-5-457-67117-1

© Фишер М., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вечно чёрные растения

Михаил Фишер

© Михаил Фишер, 2014

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

- Здесь не занято?
- Нет...
- Вы не против, если я присяду?
- Присаживайтесь...

Женщина осмотрелась и медленно опустилась в серое холодное железное кресло, каких вокруг нее было бесчисленное множество. Все места заняты. Пространство напоминало бесконечно большой зал ожидания, со всех сторон виднелись лишь спины людей, облаченных в белые длинные сорочки, скрывавшие под собой все, до самых кончиков пальцев. Ряды уходили далеко вперед, и из-за висевшего, святающегося неоновым белым светом тумана не было видно, где они заканчиваются. Источник света отсутствовал, и казалось, что каждая частичка этого неизвестного ей пространства испускала свечение: воздух, кресла, тела, окружавшие ее со всех сторон. Она видела что-то подобное в своих снах, туман, все затянуто непроглядным, белым, ватным полотном, в котором едва различимы предметы, стены, старый деревянный пол. Именно там она и видела это свечение, разбавлявшее туманную гладь. В этих снах она шла по своей квартире, как ослепшая, с трудом различая очертания предметов, двигаясь к двери, чтобы запереть ее как можно скорее на все замки, дабы не впустить людей, приближающиеся голоса которых она отчетливо слышала на улице. Мучивший из ночи в ночь сон всегда кончался одним и тем же, не успевая пробраться сквозь туманную завесу, она тянула дверь на себя, чувствуя рядом людей, двигавшихся на нее. Шаги, шорохи, скрип старых половиц – здесь кто-то есть, вокруг нее слышится чье-то дыхание. Казалось, что глаза отказываются видеть, двери уже заперты, но голоса становятся все ближе и ближе, вжимаясь в стену, она размахивает руками, и еле видимое очертание лошадиной головы на человеческом теле заставляет ее кричать что есть сил. Из раза в раз один и тот же финал. Вскakiвая в кровати от собственного крика, она осматривается и пытается понять, что это, чего она не может увидеть, почему каждую ночь она слепнет. То же и здесь, среди железных кресел и совершенно незнакомых ей людей. Звенящая тишина еще больше пугала ее, лишь изредка слышались какие-то невнятные звуки: то ли голоса, то ли завывание ветра. Повернувшись налево, женщина стала рассматривать молодого человека, к которому она под села. Высокий, темноволосый, только вот из-за тумана невозможно было разглядеть его лицо, размытые черты не складывались воедино. И он тоже в белой сорочке, как и все, с глубоким вырезом на груди, сидел и смотрел куда-то вдаль. Резко опустив глаза, она посмотрела на себя – все тот же наряд, ноги скрыты, руки спрятаны полностью. Внутри нее неведение разрасталось с каждым моментом все больше и больше, кто они, где она сейчас сидит, чего ждет, вопросы перерастали в панику и снова, посмотрев на молодого человека слева, она спросила:

– Мне кажется, что я так замерзну. Вам не холодно?

– Нет, совсем нет. Вы тоже скоро согреетесь, – молодой человек ответил, не поворачивая головы в ее сторону. Он смотрел вперед очень сосредоточенным и в то же время совершенно пустым взглядом. Девушка, отвернувшись от него, стала вглядываться вдаль, пытаясь понять, на что он так пристально смотрит. Не находя ответа, она тихо, еле слышно спросила:

– На что вы смотрите?

– На дверь, – ответил молодой человек спокойным, томным голосом.

– Да? А где она? Я вижу только спины сидящих впереди людей, никакой двери.

– Вы так сразу ее и не увидите, она может долго не показываться, так что ждите, – молодой человек продолжал смотреть, не отрываясь, вдаль, девушка же заметила, что все люди вокруг смотрят в одну сторону, тихо и смирно, один за другим, как будто ждут, когда пода-

дут их поезд. Вдруг ее охватил страх, стало холодно, она скрестила руки, чтобы согреться, но сразу разомкнула их и посмотрела на свою грудь. Грудь не было. Ее большая и красивая грудь исчезла, и на ее месте было два свисающих пустых мешка из ее собственной кожи. Она хотела закричать, но ничего не получалось, звук вышел из ее рта, но уши его не слышали. Девушка снова скрестила руки на груди и резко повернувшись к сидящему слева молодому человеку увидела его лицо и глаза, которые пристально на нее смотрели.

– Как вы умерли?– он вдруг произнес, разглядывая ее.– Вы умерли, вы это знаете? Девушка отвернулась и стала смотреть вперед. Губы как будто не размыкались, и она не могла произнести ни слова. Ее дыхание учащалось с каждой секундой все больше, одурманивая сознание.

– Вы так тяжело дышите,– спокойно сказал он, не отрывая от нее взгляда,– интересно, что с вами случилось. И лицо у вас странное, худое, очень изможденное. Хотя черты сложно разглядеть здесь,– он продолжал изучать ее, а она боялась произнести хоть слово, просто смотрела вперед и молчала. Мысли в голове сменяли друг друга, а его слова вбивались гвоздями в сознание. Неужели она умерла? Не может быть! Что же теперь будет? И где ее грудь? Какие-то мешки, свисающие практически до пупка. Она так ей гордилась, своей– то у нее практически не было, так что пришлось сделать искусственную.

– Интересно, что вы натворили?– продолжал он загадочно, каким-то хитрым, холодным голосом,– сюда чистые не попадают.

– Хватит!– вскрикнула она,– молчите! Я вам не верю! Я сплю! Это просто сон! У меня так уже бывало,– слова вырывались из ее уст, и казалось, что она лает. Не поворачиваясь к нему, то ли от страха, что он продолжает на нее смотреть, то ли просто боясь шелохнуться, она бросала в него слова,– у меня так было недавно, это все снотворные. Они плохо действуют, и приходится пить помногу. Но почему у меня нет груди?

– Потому что она была не настоящая, а сюда люди приходят только с собственными тканями.

– А что вы там говорили про мое лицо?– ее глаза бегали то вверх, то вниз, больше всего она боялась сейчас увидеть его пристальный взгляд.– Что у меня с лицом, я спрашиваю?

– Ничего особенного. Худое, я говорю, очень, длинное. А черт, тут ни у кого не видно, разве у души есть лицо...

– Замолчите!– крикнула она, оборвав его на полуслове.– Хватит! Я просто сплю и хочу скорей проснуться. И мне надоело слушать ваши бредни.

– Вы никогда уже не проснетесь.

– Замолчите, говорю же вам! Оставьте меня в покое, а лучше вообще отсыдьте подальше.

– Здесь каждый на своем месте, свободных мест нет,– сказал он, и девушка, осматриваясь по сторонам, поняла, что все кресла действительно заняты. На секунду она даже поверила, что умерла, но как? Как это могло случиться, разве так должны чувствовать себя мертвые. А свет в конце тоннеля, о котором все говорят? Нет, она совершенно ничего не помнит. Хотя, может, это случилось во сне... Повернувшись налево и увидев, что ее сосед смотрит вперед, а не на нее, сказала:

– Если я умерла, то получается, что вы тоже мертвый!?

– Нет, здесь нет мертвых, здесь души, облаченные в очертание той оболочки, в которой они пребывали на земле, а умерло ваше прежнее тело. Душа не умирает. Ну а раз вы здесь, значит, сделали что-то плохое, так как чистые сразу проходят, без очереди.

– Мне холодно и страшно,– сказала она тихо и обреченно. Страх бил ее ознобом, а неизвестность пугала. Смерть, смерть, смерть, так не умирают, она не могла умереть.

– Это хорошо, что вы еще можете чувствовать, скоро тело совсем перестанет чтобы то ни было ощущать. Пропадут всякие ощущения. Я вот уже практически не помню холода,–

его руки лежали на коленях, как у первоклассника, спина была прямая, и только глаза вдруг стали смотреть вниз, как будто с сожалением,— даже странно, что я его не помню, ведь мерз все время, кутался в какие-то кофты, шапку надевал уже в начале октября, так как уши начинали мерзнуть по утрам, и кальсоны носил с ноября по май, да и они не помогали. А вот перчаток у меня никогда не было, руки как-то совсем не мерзли, все ещё удивлялись, как такое может быть, весь с ног до головы укутан и всё равно мёрзнет, а руки на холоде и теплые всегда. Я и сам не знаю, но так и было. И дома я тоже все время кутался во что-то. Осенью заклею окна, разложу вату между рамами, вроде становилось теплей, а потом морозы ударят — и все, снова достаю теплые одеяла, пледы, вязанные носки. Странно, правда...

— Как вас зовут?— тихо спросила она, опутив голову вниз и закрыв глаза.

— Этого я вам не могу сказать, да и никто здесь не скажет, ведь имен своих прошлых мы не помним. Вот вы можете мне сказать свое имя?— подняв глаза, он посмотрел на нее.

— Конечно, могу! — она повернулась в его сторону и удивленно посмотрела,— как можно не помнить своего имени?!

— Ну и как же?

— Сейчас скажу. Вы заморочили мне голову, так что я имя собственное забыла. Как можно не помнить своего имени.

— Ну! Скажите же мне его, наконец.

Девушка задумалась, у нее не было сомнений в том, что она сейчас же ответит ему, но почему— то память молчала. Мысли бегали, сменяли одна другую, уже вот он ответ, но нет, бесполезно. Почему-то она стала вспоминать, как в детстве звала ее мама — бесполезно.

— Я не могу вспомнить,— растерянно произнесла она.

— Я тоже не могу. И никто здесь не может.

— А чего же все они ждут?

— Божьего суда. Мы не можем перейти в свое новое воплощение, пока Бог не поговорит с нами.

— Черт знает что,— она произнесла, и в ее душе еще были сомнения в реальности происходящего. Она думала, что если это сон, то обязательно к чему-то. Сразу же надо будет рассказать его своему психологу, хотя толку от него нет, так как этот специалист всегда говорил ей только то, что она хочет услышать,— да и как я могла умереть! Я же все помню, как я приехала домой, был вечер, дальше как-то смутно, но если постараться, то можно будет вспомнить и это.

— Вы скоро вспомните, не старайтесь пока.

— Странно все это. А давно вы тут?

— Не знаю, здесь же нет времени. Я просто сижу, смотрю на дверь, хотя вы пока ее еще не видите, и жду, когда она откроется для меня, и я уйду отсюда.

— А как вы узнаете, что она открылась именно для вас?

— Я не могу сказать точно, но когда она открывается, то это видит только один человек, тот, кому пора туда. Другие не видят этого.

— Очень странно. Почему же я вообще пока не вижу никакой двери?

— Вам рано еще, надо ждать, потом увидите. У каждого тут своя дверь и свое время, когда в нее входить.

— Мне страшно... Никуда не хочется входить. Бред какой-то,— она согнула ноги в коленях и поставила их на кресло, на котором сидела. Обхватив их руками и уткнувшись в колени подбородком, она продолжила,— Почему же я не помню, как умерла? Скорей бы вернулась память. Вроде все так было хорошо и помню, как приехала домой. Хоть и смутные, но какие-то очертания моей жизни у меня есть, только вот сложить их логично я пока не могу. Может, у меня случился инфаркт? Вряд ли. Не помню, чтобы я мучилась сердцем,— она немного задумалась, лицо погрузнело. Все, как с чистого листа, вдруг голову посетили спаситель-

ные мысли о том, что, возможно, она просто потеряла память и сидит сейчас в больнице, а рядом умалишенный молодой человек, пациент. Да, точно и эта белая сорочка, прям как в больницах.

— Скажите, пожалуйста,— решила она начать спокойно и вежливо, чтобы он ничего не заподозрил,— а врач скоро придет?

— Какой врач?— не понимая вопроса, молодой человек повернулся в ее сторону и пристально посмотрел,— вы какого врача тут ожидаете?

— Ну, не знаю, какие тут врачи обычно ходят, может, терапевт?

— Врач вам уже не нужен,— не отворачивая головы сказал он и продолжал пристально на нее смотреть.— вы просто мне не верите, да? Хорошо. Тогда что вы скажите на то, что не можете детально разглядеть черты моего лица? А? И кто все эти люди вокруг, тоже больные, по—вашему?— Он решил не спрашивать ее больше ни о чем, было видно, что она сильно огорчена и до конца не понимает, что с ней происходит. Повисла тишина. Люди сидели молча, как манекены. Казалось, что только они вдвоем живые среди этих кресел, спин и голов. Абсолютно ничего не происходило.

— Не переживайте, теперь главное для вас, это как можно быстрее отсюда уйти. Прошлое уже не важно, его не изменить, за него теперь придется отвечать. Радуйтесь, что пока к вам не вернулась память, когда вы все вспомните, что и как произошло, наступит самый страшный момент. Вы начнете понимать, почему здесь оказались,— сказав это, он вдруг резко схватил ее за руку и, указывая вперед, отрывисто сказал,— Смотрите! Видите? Человек встал!

— Да!

— Его дверь открылась!

— Двери я не вижу.

— Естественно, ее никто, кроме него, не видит, я же вам говорил! Его время настало!— человек вдалеке от них встал и двинулся вперед, передвигая босыми ногами по полу. Он шел медленно, растворяясь в неоновом—белом тумане. Казалось даже, что свет вокруг стал чуть ярче, как будто освещал дорогу уходящему.

— Интересно, а как называется это место? Вы не знаете?

— Я не знаю точно. Может, чистилище. Но это у католиков, в православии нет чистилища. А вы не помните случайно, крестили вас или нет?

— Как ни странно, это я помню! Меня крестили в семь лет. Хотя в церковь я практически не ходила. Помню, как в глубоком детстве бабушка водила меня в маленькую церквушку недалеко от ее дома. Она вообще была очень набожная. Всегда молилась перед обедом. В углу комнаты у нее висела небольшая старая икона, под ней лампадка. Бабушка жила очень обособленно, в маленьком доме на окраине города. Ее муж, отец моей матери, умер рано, был контужен на войне и страдал все время от этой травмы. Много пил, гонял ее, но все это мне мама рассказывала, бабушка-то об этом никогда не вспоминала, говорила только, что деда Валя был хорошим, медали его показывала, фотографии. Даже были фотографии с его похорон, представляете, тогда это тоже фотографировали зачем-то. Вообще, она странная была, друзей и подруг у нее практически не было, заходила иногда соседка из дома напротив, баба Катя. Хорошая старушка, маленькая такая, сухонькая, я любила в детстве бегать к ней в гости, она летом пастилу готовила и раскладывала во дворе. Я прибегу, хожу вокруг этой пастилы, она увидит и угостит меня. Я, довольная, съем ее и назад к бабуле... Как же давно это было, будто и не со мной,— она замолчала на мгновение, погрузившись в воспоминания, но потом продолжила.— Я много лет не вспоминала детство. Вот помню, что, когда бабушка умерла, я училась в другом городе и не приехала к ней на похороны. Да я сейчас вдруг отчетливо вспомнила, как мама сказала мне, что бабушка умерла и что когда я приеду, то мы обязательно сходим к ней на кладбище. Но вот бабушкиной могилы

я не помню, скорей всего, я никогда и не была на ней. Да, я так к ней и не съездила,— она опустила глаза вниз, и казалось, что сейчас заплачет.

— Дети взрослеют, и часто так бывает, что в определенном возрасте случайные знакомые или друзья для них становятся важнее и дороже, чем самые близкие люди.

— Как же это ужасно. И не понятно, что хуже, то, что я не была ни разу у нее на могиле, то ли то, что я столько лет про нее даже не вспоминала.

— К вам возвращается память, готовьтесь, сейчас вы будете вспоминать все больше и больше, особенно то, за что стыдно, что хотелось бы совсем забыть,— Он замолчал, и она молчала тоже. Каждый погрузился в свои мысли, в свои тяжелые воспоминания.

— Да, я вспомнила свое детство,— сказала она тихим, еле слышным голосом,— как же мне сейчас грустно. Я помню, что когда была маленькой, то мне казалось, что взрослые всегда и во всем мне перечат, постоянно что-то запрещают. Это нельзя! Сюда не ходи! Такой фильм тебе смотреть рано! Гулять не пойдешь, уже поздно! Заставляли кушать, когда совсем не хотелось, да еще и пока не доешь, из-за стола не выйдешь. Бабушка постоянно говорила мне, чтобы с этой девочкой я не дружила, а то она плохому меня научит. С мальчишками не бегала, а то упаду и расшибусь. Терпеть я не могла всему этому следовать. Часто характер показывала. Бабушка притащит меня за шкурку с улицы и усаживает кушать, а я даже ложку в руки не беру, в знак протеста. Она и так ко мне и эдак. Сначала по-хорошему, уговаривает, потом заругается, скажет, что все доложит матери и уйдет в свою комнату. А мне есть-то хочется. Я повыпендриваюсь, по дуюсь и все съем. Но бабушке говорю, что выкинула и даже к еде не притронулась, а она-то понимала, что я вру, чтобы не признаваться. Ой. Как же мне стало сейчас приятно от этих воспоминаний. Вот я не знаю, как прошла моя жизнь, а детство вспомнила и поняла, что так была тогда счастлива. Только грустно на душе от того, что я ни разу не сказала бабушке, что люблю ее. Хотя, может, это я сейчас понимаю, что очень ее любила, а в детстве мы, скорее всего, живем чувствами и еще не умеем выражать их словами. Теперь вот жалею. А вы жалеете о чем-нибудь?

— Да, я жалею. Я столько тут сижу, что вспомнил уже всю свою жизнь.

— За многое было стыдно?

— Да.

— А почему же Бог вас не забирает, раз вы тут уже долго?

— Я думаю, еще не время. Я еще не все себе простил.

— Ничего не понимаю,— сказала она на выдохе, уставшим, тихим голосом.

Не замечая того, ее сознание снова вернулось в детство. Сами собой появлялись в голове картинки очень далекого прошлого, вдруг она опять оказалась в доме бабушки, в котором они жили с родителями. Стены побелены известью, старые маленькие окна, с проложенной между рамами ватой защищали зимой от сильных морозов. Она стояла в большой комнате, слева от двери высился книжный шкаф, в котором была маленькая шкатулка с мамиными украшениями. Дальше, вдоль стены, у окна, стоял стол, в углу— цветной телевизор. В комнате было очень тепло, она сразу поняла, что топится печка, по характерному потрескиванию, которое раздавалось из топки, и приятному запаху горящих дров. Она подошла к печке, села на корточки и стала смотреть в щелочку, между стеной и дверцей печи за огнем. Из поддувала шел жар. Комнату освещала одна лампочка, помещенная в терракотового цвета абажур с желтой бахромой. Внезапно открылась дверь и вошла ее мама. На ней был красный ситцевый халат и белый фартук с изображенными на нем овощами. Длинные черные волосы собраны в хвост. Она смотрела на совсем молодую маму, стараясь разглядеть ее черты, походку, фигуру. Высокая, красивая девушка подошла к печке и, открыв дверцу, закинула в топку два совка с углем. Разобравшись с огнем, она повернулась к маленькой дочери, которая пристально за всем наблюдала и, сказав, что скоро придет папа и они будут

кушать, вышла из комнаты. Эта девушка, конечно же, не понимала, что сейчас на нее с таким интересом смотрела душа ее дочери, вернувшаяся в свое детство.

Из кухни стал доноситься запах жареной курицы и мамин голос, что-то громко напевающий. Продолжая осмотр дома, маленькая девочка прошла в длинную и очень узкую комнату без двери— это была спальня. У печки стояла ее деревянная, решетчатая кровать, рядом разложенный диван, на котором спали родители. Оставшееся пространство было заполнено шкафом. Освещение отсутствовало, но она знала каждый сантиметр в этой комнате. Запах маминых духов манил ее и, запрыгнув на кровать, она стала тянуться к полочке с косметикой. Тишину и спокойствие внезапно нарушил мамин голос, зовущий ее встречать папу с работы: «Дочура, доченька, папа идет, беги скорей его встречать. Доча». Как только она двинулась в сторону кухни, все вокруг стало погружаться в туман, сквозь который эхом слышался голос мамы. Пространство становилось непроглядным, и она с криком побежала к кухне. Туман окутывал ее тело, застилал глаза не давая возможности вырваться. Она бежала, что есть сил крича маме, но неизвестность, вызвавшая в ней животный страх, поглощала ее все больше. Вдруг стал появляться свет, она посмотрела по сторонам. Снова полумрак, туман и люди, сидящие в железных креслах. Ее сосед слева как замороженный смотрел вперед не моргая.

— Опять вы,— сказала она, посмотрев на соседа,— а я провалилась в сон.

— Что вы видели?

— Я была в доме, в котором прошло мое детство.

— Да...вы теперь будете возвращаться в те места, которые были вам дороги и в те моменты вашей жизни, в которых вы могли бы поступить иначе.

— Зачем?

— Возможно, для того, чтобы оценить свои поступки, слова, эмоции, поведение, мысли. Чтобы увидеть себя со стороны.

— Больше всего я не хотела бы все вспоминать...

— От этого никуда не деться, все здесь вспоминали, без этого вы не увидите дверь. Надо все пережить заново.

— Чтобы простить других?

— Чтобы простить себя,— сказал он и посмотрел на нее. Она тоже смотрела ему в глаза.

— А я на себя и не сержусь, что мне себя прощать. Я уверена, что нормально прожила жизнь, никому не мешала, если и обидела кого, то не со зла, а, скорей, защищая свои интересы, а это значит, что по—другому я поступить не могла. А вообще, мне пока сложно рассуждать о своей жизни, так как я ничегошеньки не помню. Расскажите лучше Вы о себе.

— Про себя я потом Вам расскажу, пока не хочется.— Он закрыл глаза и не произнес больше ни слова. Она тоже молчала, смотрела вперед и все еще не могла поверить, что это не сон. Они оба погрузились в собственные мысли, люди впереди сидели неподвижно в своих креслах, тишина не меняла тональности, свет все также был ниоткуда. Каждый ждал своего времени, своего расчетного часа. Обдумывая прошлое, проживая свою жизнь снова и снова, каждый из сидящих здесь мечтал избавиться от мыслей, от чувства вины или просто понять, что он сделал не так. Лишь изредка можно было наблюдать, как кто-то из сидящих вдруг вставал и свет становился ярче. Шагая босыми ногами, душа, сохранившая прежнее свое облачение, двигалась вперед, к видимой только ей одной цели — двери, за которой ее ждут для последнего разговора.

Ее мысли сменились видениями, скрестив руки на груди и ссутулившись, тело приняло удобное для себя положение, и в сознании вдруг стали появляться образы, ощущения и запахи. Она погрузилась в другую, прожитую когда-то реальность.

Вечер, все вокруг освещено фарами окруживших ее машин, играет музыка. Большой автомобиль, за рулем которого она сидит, увяз в пробке. Выезжать за город в пятницу в шестом часу вечера было бессмысленно, так как все двигались из города на свои дачи.

Многокилометровые пробки сковывали дороги, а людей консервировали в своих машинах на многие часы. Но ей ничего не оставалось делать, как двигаться вместе со всеми. Она ругала себя за то, что не выехала раньше, и теперь точно не успеет домой до прихода мужа, и снова придется что-то врать. Но раньше не получилось, сложно вырваться из объятий любимого человека, который так крепко тебя в них сжимает. Было уже плевать, все зашло слишком далеко, и ни ей, ни ее мужу уже не было смысла делать вид, что ничего не происходит. Постоянные ссоры и угрозы мужа разводом вымотали ее, разорвали спокойствие, сегодня она хотела вернуться домой до его возвращения с работы, но понимала, что не успеет. Медленно двигаясь в потоке машин, она складывала правдоподобную историю, которая могла бы хоть как-то объяснить то, что ее нет дома, хотя весь день она говорила ему по телефону, что отдыхает, так как плохо себя чувствует и старается не выходить из дома. Но история не складывалась. Да и дома она будет не раньше чем через три часа.

Сознание резко выдавило ее из воспоминаний, картинки и ощущения пропали. Открыв глаза и очутившись все в том же пейзаже, среди серых, железных кресел и неонно—белом полотне света вокруг, она повернула голову влево, там все так же сидел уже знакомый ей молодой человек.

— Я вдруг куда-то провалилась и очутилась в машине, играет музыка, я за рулем. Я все вспомнила! Уже восемь лет мы с мужем живем в сорока километрах от города, в большом доме в сосновом бору. Огромный дом был набит антиквариатом и произведениями искусства, стал моей усыпальницей, местом, где я тосковала по свободной жизни, которая у меня случалась, когда муж уезжал в командировки, и я могла сутками не расставаться со своим «малышом». У меня, оказывается, был любовник! Планировка дома напоминала средневековый замок с множеством комнат, коридоров, подсобных помещений. Муж предпочитал проводить вечера в своем кабинете, а я в спальне с телефоном в руках, беседуя с «малышом». Спальня находилась на втором этаже, и к ней вела большая кованая лестница из дома Саввы Морозова, которую муж купил у одного знакомого торговца антиквариатом. Другого входа в комнату не было, поэтому я могла спокойно разговаривать по телефону, не боясь, что меня подслушивают, так как шаги по железной лестнице были очень слышны и всегда имелось несколько секунд, чтобы положить трубку. Первые пару лет проживания в этом доме я боялась ночевать одна в комнате. Если муж уезжал, то приходилось просить домработницу спать рядом со мной на диване, так как было страшно одной, без света, а со светом я не могла уснуть. Все время мерещились какие-то звуки, шаги, потрескивание. Мебель была очень старая, огромные деревянные шкафы с резными дверцами и картины в золоченых рамах вселяли в меня беспокойство, но было совершенно бессмысленно просить мужа о смене интерьера, так как его тяга к подобным предметам искусства была маниакальной и совершенно непобедимой.

Первые несколько лет муж приезжал с работы не позднее восьми вечера и, приняв душ и переодевшись, к девяти садился ужинать. Я старалась приготовить что-то вкусное, в основном блюда были мясными и без гарнира, так как муж предпочитал съесть мясо, а потом выпить пару бокалов красного вина, зимой и осенью в малой гостиной у камина, а летом— на веранде. Два больших кресла, обтянутых кожей буйвола, камин с открытой топкой, напольные часы с боем и роскошный светлый шкаф—бар, декорированный красным деревом с большой буквой N на дверце, украшенной лавром и имперским орлом, указывающими на французское происхождение времен Наполеона. В этом интерьере обычно мы пребывали до полуночи, после чего шли спать. Первое время я просто сидела, слушала рассказы мужа о работе, об искусстве, которым он увлекался, с трудом выпивая за вечер бокал вина, так как муж предпочитал исключительно сухие вина, которые я терпеть не могла. Мне было все интересно, роскошь, которая всюду меня окружала, вселяла в сознание стабильность, любовь мужа— уверенность в том, что со временем я смогу им манипулировать, и к тому же

было чем утереть нос своим подругам, которые сутками работали, чтобы купить себе новое платье и раз в месяц сходить в приличное место развлечься. Муж же старался меня образовывать, советовал, какие книги лучше читать, водил в театры, но, видя то, что все это мне не приносит ни малейшего удовольствия, бросил насильствовать и позволил самой решать, чем себя развлекать. И я нашла развлечение, которое поглотило всю мою жизнь. Потом появился сын. Муж очень любил его, они плавали вечерами дома в бассейне, часто муж брал его собой в командировки за границу, особенно в Европу. Мне это нравилось, да я и понимала, что он может дать ему гораздо больше, так как сам был человеком интеллигентным и образованным. Вот все в нем было хорошо, умный, богатый, очень видный. Когда я увидела его первый раз, то сразу поняла, что от него надо рожать ребенка, так как он будет хорошим отцом. Муж ведь был на четырнадцать лет меня старше. Когда я выходила за него замуж, мне было двадцать два года, а ему уже тридцать шесть. Тогда мне казалось, что я его люблю, хотя, скорее всего, я хотела его любить, но так никогда и не полюбила. Просто подстраховала себя на долгие годы от бедности, родив ребенка. Так что, жила я богато, но очень скучно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.